КРУГ ЧТЕНИЯ

К 125-летию со дня рождения А. П. Чехова

ВСЕ БОГАТСТВО ЕГО ПРОЗЫ

КАК РОДИЛАСЬ ИДЕЯ БАЛЕТА

ДВЕНАДЦАТЬ ТОМОВ ПИСЕМ

ОДУХОТВОРЕННЫЕ КАРТИНЫ

ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ

Наш совестливый современник

МЫ БЫЛИ бы явно беднее, если бы у нас не было Чехова. Есть явления в мире, в природе, в общественной жизни, в культуре, влияющие без исключения на все и на всех десятилетиями, веками. Чехов из таких явлений. Речь не только и даже не столько о его произведениях. Речь о его изумительной личности, неотделимой от его творчества.

Так чисто он прожил свою жизнь, столько было в ней совести, скромности, достоинства, мужества, независимости, твердости духа, что только от одной этой жизни в мире повысился уровень добра. А она — эта жизнь еще была занята праведным, как в поле от зари до зари, гениальным трудом. И плоды этого труда принадлежат всем. Только что завершено тридцатитомное собрание сочинений А. П. Чехова. Протяни руку, открой любой из томов и погружайся в мир ума, благородства, правды.

«Чехов создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы писания, подобных которым я не встречал нигде»,— говорил Лев Толстой.

Совершенно новые формы? А вот что будто отвечал скупому на похвалы Толстому сам Чехов: «Ново только то, что талантливо. Что талантливо, то ново». Оценим неслыханную простоту, с которой выражена глубокая, раздражающе задорная, нестареющая мысль. Запомним ее: осененная чеховским авторитетом, она пригодится в сегодняшних, в завтрашних спорах... Как и еще вот эта, например, такая же ясная и несокрушимая: «Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такою, какова она есть на самом деле. Ее назначение правда безусловная и честная».

Но встречали ли вы людей, которые не любят Чехова? (Да не убоимся кощунственности вопроса в дни юбилейных торжеств. Чехов ведь, как всякий по-настоящему хороший человек, всем нравиться не может). Я, например, таких людей встречала. Молоды они были, физически и морально сильны, глядели прямо и говорили: «Чехова — не люблю!» Взрослые-то люди похитрее, не признаются, а молодые в простоте своей и не подозревали при этом, как много успевают рассказать о себе, произнеся только эти два слова.

Любя Чехова, многое ведь просто непозволительно. Решительно невозможно, например, добиваться цели, не думая о средствах. Категорически нельзя унижать кого-то, подавлять чью-то личность, не считаясь с правом и правдой другого. Ни при каких обстоятельствах нельзя считать себя непогрешимым, ощущать перед кем-то свое превосходство. Нельзя завидовать, хватать, хапать, толкаться локтями, мелочиться, привлекать к себе всеобщее внимание... Вот он всего этого как-то одним своим присутствием на книжных полках делать не велит. И чтобы поступать вопреки его велениям, непременно надо отречься, громко объявить: «Не люблю Чехова».

Значит, всю эту вашу российскую совестливость, хваленое интеллигентное благородство не люблю. И слышать о них не хочу.

Но каким же он был, сам Чехов.

Антон Павлович трудился с самых ранних лет. Сидел, присматривая за порядком, в отцовской лавке. Бывал отцом сечен, на что никогда в жизни не сетовал. Шестнадцатилетним жил среди чужих, зарабатывая себе на хлеб. А с самых первых лет студенчества взял на свои плечи всю большую семью. «Живость, работоспособность его была поразительна,— писал И. Бунин.— Ведь среди всех писаний он окончил самый трудный факультет».

Очень любил лечить, в паспорте Ольги Леонардовны записал: «жена лекаря» и, если бы не болезнь, докторское дело никогда не бросил бы.

Разве кто-нибудь слышал от него жалобы? А причин для них было много. Большая семья полностью зависела от его заработка, он должен был писать, очень много писать — на краешке стола, никого не только не подавляя, стараясь ничем не стеснить, даже не смутить своим озабоченным видом.

Он пятнадцать лет был тяжело болен, и врач отлично сознавал, что болезнь неизлечима. «Но знал ли это читатель,— спрашивает И. Бунин,— русский читатель, который слышал столько горьких писательских воплей?».

Думаю, лучше Бунина о нем еще никто не написал, столько и с такой любовью никто еще не рассказал...

Излюбленные темы бесед Чехова: о том, что надо работать не покладая рук, что надо быть в работе до аскетизма правдивым и простым.

Когда он отправился ранней весной в дождь, холод, слякоть в двухмесячный путь на Сахалин, это была та самая работа. Нынче такая под силу, пожалуй, целому научно-исследовательскому институту.

Он был крестьянского рода, талантливого, северного. И часто говорил, что любовь к делу, которым они занимаются,— семейная черта, наследственная.

Он был большой и очень сильный человек. «Кто с таким мужеством следовал велениям своего сердца, а не велениям толпы, как он. Кто умел так, как он, скрывать ту острую боль, которую причиняет человеческому уму человеческая глупость?»

САМА БИОГРАФИЯ этого замечательного человека — величайший повод для оптимизма. Он полностью создал себя сам. И достиг наивысшей культуры. И сумел внести огромный вклад в культуру Отечества, в культуру мира. Есть среди соотечественников такие судьбы, такие примеры. Чеховская судьба из наиярчайших.

Ноябрьская ночь.
Антона Чехова читаю.
От изумления
немею.

Это четверостишие написал еще семнадцатилетним Асахи Суэхико, автор книги «Мой Чехов» и многих других книг о Чехове, теперь уже старый человек. А я прочла о нем в статье Кима Рехо, доктора филологических наук, «Наш современник Чехов» в журнале «Литературное обозрение». Это обзор работ японских литературоведов. Узнала, что на японском языке неоднократно выходили многие книги о Чехове, причем книга Г. Бердникова «А. П. Чехов» включена в список литературы, рекомендованной для японских учащихся и студентов. (Кстати, рецензией на книгу Г. Бердникова «А. П. Чехов. Идейные и творческие искания». М., Художественная литература, 1984 год, журнал «Знамя» отметил нынешний юбилей писателя. А некоторые журналы вообще не заметили дату, не воспользовались таким замечательным поводом, чтобы поговорить о Чехове. Хотя нужда в этом есть, и большая, нравственная нужда).

В этом «японском» обзоре много любопытного, и хоть некоторые детали я приведу, велико искушение. Вот, например, какая мысль есть в трилогии Сато Сойро о Чехове: «Шутка Чехова — это форма протеста и критики, способ рассеивания ипохондрии. Это противоядие всякому угнетению и лжи. Благодаря тому, что Чехов обладал здоровым оптимизмом, был способен понять юмор, он не покончил с собой, не сошел с ума».

Японцы много пишут о независимости чеховского духа, о величайшей душевной свободе Чехова. Они видят его влияние на людей, в частности, в том, что люди хотят освободиться от рутины, застоя, манерности, флюгерства. По их наблюдениям, общаясь с Чеховым, люди становятся честнее.

Когда в Японии праздновали 120-летие Чехова, вышел коллективный сборник. Во вступительном слове к нему известный ученый Того Масанобу писал: «В разных уголках мира, разделенных временем и пространством, люди, оказавшись в жизненном тупике, все же не теряют надежду на далекий просвет будущего. И до тех пор, пока сохранится такое положение в мире, творчество Чехова не утратит своего значения».

В его произведениях начисто отсутствуют общие решения, неповторима каждая судьба, каждый путь, а значит, у всех есть надежда.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЧЕХОВА, все время открываешь. Так, на днях я заново открыла «Дуэль».

Возьмите-ка ее, коли давно не читали. «Как промыть запыленное стекло, сквозь которое бесталанная литература показывает жизнь,— спрашивает Олег Михайлов в книге «Страницы русского реализма» (статьей О. Михайлова отметил нынешний чеховский юбилей журнал «Молодая гвардия»). Открытие приходило — новое в каждом конкретном случае. Отчасти же чеховское новаторство было охарактеризовано словами Толстого: «Кидает как будто беспорядочно слова и достигает удивительных результатов».

Такое открытие — «Дуэль». Повесть о сомнительности правоты и превосходства, о неизведанных возможностях, таящихся в каждом человеке и вообще в жизни.

Я храню статью И. Сухих «Загадочный «Черный монах» из журнала «Вопросы литературы». Храню ради того, как талантливо прочитано чеховское произведение. Помните? Магистр Коврин, садовник Песоцкий, его дочь Таня. Мотив избранничества, проблема гения и посредственности, героя и толпы...

Однажды этот черный монах приснился Чехову.

Обещая вечную жизнь и вечное блаженство, монах разрушает и отнимает — единственную — жизнь магистра. Трагическая чеховская ирония.

Чехов решительно ставит себя наравне со всеми, пред жизнью и смертью в общий ряд. Вот почему, попадая под его влияние, мы делаемся человечнее, проще, скромнее, учимся уважать в себе человека (а не что-то иное) и в других, в каждом тоже видеть и ценить человека. От этого светит нам из любого тупика надежда, от этого прибывает счастья.

«Образ нормальной жизни, которая и есть подлинный авторский идеал, противопоставлен иллюзиям и заблуждениям героев,— пишет И. Сухих.— Он доступен всем и в этом смысле тоже внеиерархичен. Но эта чеховская повесть, как и многие другие его произведения, показывает, как сложен, нелегок, противоречив путь к нему».

Коврин, умирая, звал Таню, «звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна...» Он, Коврин, по несчастью, прошел мимо этих подлинных ценностей ради иллюзорных, выдуманных, мнимых. А жизнь была так прекрасна.

Кроме сада, росы, сосен, ржаного поля, в ней есть еще книги. В ней есть Чехов. И всего этого у нас никто никогда не отнимет.

Татьяна ИВАНОВА.

Майя Плисецкая — ОБРАЗ «ЧАЙКИ»

На языке пластики

Читать Чехова не просто удовольствие. Это еще и всегда работа мысли. Музыкальность фразы его завораживает, она крылата, полетна... Слово его многомерно, гармонично, естественно. Именно это в первую очередь и навело на догадку, что Чехов, как и Пушкин, обладает еще и хореографической пластикой. Это почувствовал, открыл для себя Родион Щедрин. Идея создать балет «Чайка» целиком принадлежит ему. Он написал музыку и открыл еще один мир пьесы — психологическое, драматическое действо в пластике. Может быть, Чехов нарочно сделал так, что у него люди сидят, ходят, играют в домино, в крокет, разговаривают об обеде, о чае и варенье, и вроде бы ничего не происходит. Кто-то скажет: «Какая скучная пьеса».

А на самом деле все время что-то происходит, и весьма существенное, иногда трагическое. Рушатся судьбы, все они без взаимной любви, каждый влюблен в того, кто в него не влюблен, несчастны абсолютно все. Треплев в результате стреляется...

Это все читается между строк. А как в музыкальном театре это передать? Только в пластике. Только пластикой можно выразить чувство. Тем более что свои слова не подставишь, надо произносить чеховские. Поэтому я думаю, что драматическим актерам труднее. У них один язык, а у нас — два, у нас есть музыка. Она открывает нам фантастическую драматургию! Музыка, которая рассказывает чеховский текст, содержание пьесы, состояние героев, их настроение, то есть буквально все.

Я старалась совершенно не нажимать на точный текст. Чехова ведь актеры донимали, спрашивали, как надо играть, кто в пьесе главный герой. А он отвечал, что ничего объяснять не будет. Понимайте, мол, как хотите, толкуйте, как хотите. Как вы понимаете, так и играйте.

С моей точки зрения, он был абсолютно прав. Он не задавал единственно возможную линию. Чехов сам признавался, что написал очень странную пьесу. Известно, что «Чайка» идет во многих странах мира. В разное время разные постановщики расставляли свои акценты. Каждый режиссер интерпретирует пьесу по-своему. У одних главная героиня Маша, у других—Треплев, у третьих — Аркадина. Весь фокус, секрет заключается в том, чтобы твое сегодняшнее видение «Чайки» было созвучно современному зрителю.

Я не играю Нину Заречную так, что вот пришел человек на озеро и от нечего делать погубил чайку. Почему он ее погубил? Она сама в него влюбилась, сама за ним пошла. Активность шла от нее. Почему же она несчастна? Мне это совсем не нравится. Нина Заречная мечтала быть артисткой. И поэтому она с удовольствием играла в спектакле Треплева, ей это очень нравилось, она мечтала быть похожей на Аркадину. И когда она увидела Тригорина, знаменитейшего в то время писателя, бедная сельская девочка совершенно обомлела. И вот начался этот роман, такой, знаете, больше благоговейный. Иногда Нину Заречную играют корыстной. Мне это тоже не нравится. Здесь есть благоговейность перед талантом, ведь Нине казалось, что Тригорин и есть настоящий талант. Я не делаю акцентов, что Нина совсем не любила Треплева или любила только Тригорина. Нина доводит Треплева до самоубийства, но она даже не думает, до чего она его доводит. Наоборот, она искренна, она Треплеву не лжет.

Посмотрите: вот судьба женщины... Как-то в общем жизнь ее не сложилась. Не получилась...

Тот, кого Нина, наверное, все-таки любит, не любит ее. Или какое-то время любил, или просто увлекался, но все же по-настоящему не влюбился. Значит, она недостаточно хороша. Потому что если очень хороша, то будут любить. От любви, от прекрасного не уходят. Человек должен всякую причину прежде всего искать в самом себе... И вот такое вдумчивое прочтение Чехова способно доставить истинное духовное наслаждение.

Записала
Е. ЛИТВИНСКАЯ.

Владимир Панов — ПЕРОМ ГРАФИКА

Тонкая девичья фигурка на фоне полураскрытых ворот — как символ вечного женского ожидания. Мы, конечно же, узнали ее — это Мисюсь, героиня чеховского рассказа «Дом с мезонином». А вот и строки, вызвавшие к жизни этот рисунок: «У ворот со львами стояла Женя неподвижно, поджидая меня, чтобы проводить». Вариантов этого рисунка у графика Владимира Панова много — и цветных, и штриховых. Один даже стал обложкой книги чеховских рассказов, вышедших несколько лет назад. Рассматривая их, удивляешься: как при такой ограниченности деталей возникает художественный образ не только одной фразы, но и всей повести. Наверное, дело тут не только в профессиональном мастерстве, хотя оно необходимо, и понимании замысла писателя, а в разделении с ним его задач.

Его рисунки всегда органичны с текстом, они живут в книге естественно и легко, помогая нашему воображению создавать тот или иной образ.

Панов давно иллюстрирует и дотошен в своих поисках, каждая мелочь, вплоть до того, как и в каких рамках развешивали фотографии в кабинете времен Тургенева или Чехова, для него важна. Все это создает ощущение подлинности рисунков, хотя видно, что писал их наш современник.

Это особенно важно для молодого читателя, который впервые открывает для себя золотой век русской литературы. Большинство книг Панов выпустил в издательстве «Детская литература». Есть среди них и редкие, подарочные издания, а есть и массовые. Но везде художник остается верен себе, относится с уважением и к автору, и к читателю. В этом году выходят в свет две чеховские книги с иллюстрациями Панова — «Три сестры» и сборник рассказов «О любви».

Первая его встреча с Чеховым как художника состоялась лет десять назад. И чем ближе он с ним знакомился, тем крупнее тот становился. Появилась и собственная оценка — какие-то произведения близки, а какие-то — нет. Он признается, что не смог бы иллюстрировать рассказы за подписью «Чехонте». Здесь нет у него с писателем необходимого контакта, а другие, такие, как «О любви», «Крыжовник», «Дом с мезонином», «Попрыгунья», «Ионыч», он иллюстрировал уже несколько раз. Хотя Чехов не относится к числу писателей, удобных для иллюстрации. «Действия в его произведениях мало, ситуации внешне неброские. Люди сидят и разговаривают ни о чем, а плакать хочется. Нужно передавать настроение, состояние, — говорит художник, — и в этом главная трудность. Аккомпанировать Чехову нужно тактично. Не увлекаться бытовой стороной, иначе уходит неуловимая чеховская атмосфера. Попадание бывает редко».

Книжный художник, как правило,—самый внимательный читатель. На вопрос, что ему кажется важным в Чехове для сегодняшнего дня, Панов ответил: «Он учит внимательному и бережному отношению к каждому человеку».

Н. КОЛЕСНИКОВА.

ПО МЕСТАМ ЕГО ЖИЗНИ

● ТАГАНРОГ. Более ста работ экспонируется на выставке «Художники Дона — А. П. Чехову», которая открылась здесь в картинной галерее. Тут и портреты Антона Павловича, и иллюстрации к его произведениям, и пейзажи родного края.

● ЯЛТА. Произведения из пяти музеев страны вошли в экспозицию «А. П. Чехов и его время». Свой вклад внесли третьяковская галерея, Государственные Русский и Литературный музеи, а также музеи МХАТа и Центральный театральный им. А. А Бахрушина. В программу Дней, посвященных писателю, включены также декада кинофильмов, созданных по его произведениям, всесоюзный конкурс детских рисунков к чеховским книгам премьеры в народных театрах.

● МЕЛИХОВО (Московская область). Литературные празднества начались тут, в бывшем имении Чеховых, где ныне находится один из самых известнейших музеев страны, еще осенью. Тогда в Мелихове прошел массовый литературный чеховский праздник. В эти дни жители Мелихова и города Чехова (бывшей Лопасни) встретились с известными писателями: Юрием Нагибиным, Вячеславом Шугаевым, Юрием Сбитневым, Майей Ганиной, Владимиром Лакшиным и многими другими — на вечере «Чехов-литератор». Завтра к ним приезжают артисты МХАТа. Работает новая фотовыставка «Чехов в Мелихове», а в филиале музея в Новоселках распахнет двери еще одна, которая расскажет о новых поступлениях в музей. А завершатся чеховские торжества в Мелихове... осенью. Музей откроет еще один филиал в городе Чехове, в здании бывшего Лопасненского почтово-телеграфного отделения созданного заботами писателя Рядом встанет скульптура Антона Павловича, выполненная известным мастером Михаилом Константиновичем Аникушиным.

Часто принимает гостей новоселковская школа, построенная Чеховым. Сейчас здесь развернута экспозиция новых музейных поступлений посвященная юбилею писателя.

● МОСКВА. В день юбилея, 29 января, во МХАТе состоится торжественный вечер, посвященный творчеству А. П. Чехова.

Нынешний юбилей почта отметит изданием карточки с оригинальной маркой: портрет писателя и его факсимиле на рисунке карточки, на марке — раскрытая книга и занавес МХАТ СССР. На нем, как известно, чайка, чеховская чайка — символ, ставший эмблемой прославленного коллектива.

Владимир Лакшин — ЛИЧНЫЙ ЖАНР

СВОБОДНЫЙ ДНЕВНИК

ЧЕХОВСКИЕ ПИСЬМА... Письма великого писателя всегда интересны как факт биографии, подспорье в изучении творчества. Но тут нечто иное: наряду с рассказами, повестями, пьесами письма — еще одно замечательное произведение Чехова.

В недавнем академическом полном собрании сочинений его письма занимают уже 12 томов. В них собрано около 4.500 писем Чехова. А некоторые счастливые находки до сего дня публикуются вдогонку в журналах и газетах. К нынешнему юбилею вышла в свет подготовленная издательством «Художественная литература» двухтомная «Переписка А. П. Чехова» (составители и авторы комментария М. П. Громов, А. М. Долотова, В. Б. Катаев). В чем новизна этой книги? Письма Чехова впервые объединены здесь с письмами его адресатов, и это многоголосье делает переписку объемнее, создает порою совсем новое впечатление.

Задумчивые, полные философии, духовного самораскрытия, творческих идей письма к Суворину... Панибратски непринужденные, озорные и наставительные письма к братьям... Сердечные, уважительные, короткие к матери и сестре... Забавные, юмористические, легкие, с блестками остроумия — молодым женщинам... Почтительные, холодновато-учтивые к малознакомым людям... И неизменно искренние.

Как известно, Чехову-прозаику не давалась форма романа, в которой велик был Лев Толстой, но в рассказе, небольшой повести он достиг счастливого совершенства. И точно так же, если для Толстого сопутствующим ему через всю жизнь «личным жанром» был дневник, то для Чехова — письмо. Дневник был для Толстого как бы письмами к самому себе. Письма для Чехова — свободный дневник, разорванный на листки и адресованный другим.

Все мы порой пишем письма. И, кажется, нет ничего проще и общедоступнее этого занятия. Правда, еще старинный немецкий писатель подметил одну особенность: чем лучше почта, тем хуже письма. В век телеграфа и телефона письма пишут торопясь, к праздникам и датам, или желая снестись по делу, разузнать что-то о близких или отозваться на ходу... Чехов почти всегда писал письма с удовольствием и, не побоюсь сказать, вдохновенно. В поздние годы, когда из-за усталости и болезни так трудно, медленно сочинялись пьесы или рассказы, творческая энергия находила привычный выход в письме. Но если для нас письмо родным или друзьям чаще всего реестр домашних событий, накопившихся за календарный срок, то для Чехова оно неизменно инструмент раздумья и калейдоскоп живых, с мгновенной натуры, картин. Случается, это письмо-спор, письмо-утешение, письмо-совет и письмо-исповедь. А иногда и крохотный рассказ.

«Я пошел со своими часами к Буре, хотел отдать в починку. Буре, заглянув в часы и повертев их в руках, улыбнулся и сказал сладковатым голосом: — Вы, мсье, забыли их завести...

Я завел — и часы опять пошли. Так иногда причину своих бедствий ищешь в мелочах, забыв о главном».

Это отрывок из письма к писательнице Е. М. Шавровой, но что помешает увидеть в этих шести строках от руки законченную миниатюру — с завязкой, развязкой и неожиданной моралью?

Смолоду Чехов учился не навязывать себя адресату, а говорить с ним вровень, интересуясь по преимуществу собеседником. Он дружески учил своего брата Александра избегать в письмах высокопарной риторики, самоутешительного вранья и в особенности сентиментальной чувствительности («обнимите», «язвы души»), подменяющей серьезность чувства.

«Брат наш, мерзавец Александр Павлович, не будь штанами...» — начинал Чехов. Юмор—озорной, грубоватый—уничтожал нормативность тона, приличествующего письму к «дражайшей родне». В эпистолярной форме Чехов сполна осуществил тот совет, какой давал брату для общения с людьми вообще: «В отношениях с людьми побольше искренности и сердца, побольше молчания и простоты в обращении. Будь груб, когда сердит, смейся, когда смешно, и отвечай, когда спрашивают» (13 октября 1888 г.).

К ЖИТЕЙСКОЙ переписке, как известно, обычен такой элемент, как сообщение о погоде — иногда лишь потому, что не о чем больше писать. Чехов не избегает в письмах и такой банальщины, как погода, но под его пером и эта избитая тема расцветает неожиданным юмором. Вот примеры его метеорологических бюллетеней:

«Погода у нас безнравственная»; «Погода у нас занимается проституцией»; «Погода истомила меня, я готов лечь и укусить подушку»; «У нас был дождь, довольно хороший, стало грязно. Стало быть, о дожде писать тебе больше уже не буду».

В такой манере сокращенного и парадоксально мотивированного высказывания есть нечто детское. Внезапные, без плавных переходов, сообщения напоминают стремительность пушкинских писем. Они рассчитаны на понимающего юмор, отзывчивого адресата. Начиная читать фразу, чаще всего не можешь догадаться, чем она кончится.

Из письма А. Л. Вишневскому, 1901 г.: «Вы обязаны писать мне длинные письма, потому что вы мой земляк». Из письма И. А. Бунину, 1901 г.: «Поживаю я недурно, так себе, чувствую старость. Впрочем, хочу жениться».

Чем лучше, доверительнее относится Чехов к человеку, которому он пишет, тем свободнее, раскованнее он в письме и тем смелее шутит. Как остро и весело вышучивает он Лику Мизинову в пору увлечения ею! И как мучительно серьезен, принужден в письмах к Авиловой, самолюбивых претензий которой побаивается. Юмор Чехова надо заслужить, как доверие. И то, что в переписке с Авиловой не получалось дуэта (она то и дело в чем-то упрекала его, а Чехов с хмурым лицом оправдывался), лучшее опровержение легенды о главной «потаенной любви» писателя.

Письма создают превосходный духовный автопортрет Чехова с большой поправкой на самоиронию. Дело в том, что о себе Чехов пишет очень скупо, а если пишет, то без тени почтения к собственной персоне. «Я честолюбив»,— заявляет молодой Чехов Лейкину. Суворину он признается, что в нем, Чехове, «изрядная доля трусости». Книппер — что его «ужасно мучает ревность». И всем подряд, что страдает от «хохлацкой лени».

Любимый предмет его насмешек — собственная литературная известность. Он узнает, что его переводят в Дании. «Я спокоен за Данию»,— замечает Чехов. Или сообщает в письме: «У меня в доме свой телефон. Я ведь важный человек». А когда начинает говорить о себе серьезно, из-под его пера—в горькую минуту—вырываются такие слова: «Мне кажется, что я как литератор уже отжил, и каждая фраза, какую я пишу, представляется мне никуда не годной и ни для чего не нужной». Прославленная скромность Чехова. А быть может, как раз великий двигатель к совершенству — сознание недостижимости идеала?

Легко обращая иронию на себя, Чехов к другим людям, как и к событиям, впечатлениям, вещам, старается приложить мерку максимальной, почти естественно научной объективности или, по меньшей мере, доступной человеку справедливости. Отметит в ком-то дурные черты и тут же укажет на добрые. От души восхитится чем-либо, но и недостатков не спрячет. И уж во всяком случае не оскорбит чужого достоинства, пощадит самолюбие, отнесется с доверием к возможной переделке, исправлению человека.

Вот он едет в гости в загородный дом Маклаковых и, желая похвалить гостеприимных хозяев, пишет: «У Маклаковых мне понравилось...» Другой на этом бы и остановился, но внутренняя честность заставляет Чехова прибавить: «...понравилось, хотя они нечистоплотны, и собак у них очень много, река далеко и сад в варварском состоянии». Не обидеть, и все же сказать правду — в этом весь Чехов.

ЕМУ ПРЕТИЛО злорадное ёрничество в литературных оценках и отношениях, потому что сам он был начисто лишен чувства зависти. «У нас, у газетчиков, есть болезнь — зависть,— писал он брату Александру.— Вместо того, чтобы радоваться твоему успеху, тебе завидуют и... перчику! перчику! А между тем одному богу молятся, все до единого одно дело делают... Мелочность! Невоспитанность какая-то... А как все это отравляет жизнь!»

Но как совместить нелицеприятную правду с деликатностью высказывания? В своих литературных отзывах Чехов бережно подбирает слова, чтобы невзначай не задеть авторского самолюбия, а вместе с тем сказать, что думаешь. «Вы хотите, чтобы я говорил только о недостатках,— пишет он Куприну,— и этим ставите меня в затруднительное положение. В этой повести недостатков нет, и если можно не соглашаться, то лишь с особенностями ее некоторыми. Например, героев своих, актеров, вы трактуете по старинке, как трактовались они уже лет сто всеми, писавшими о них; ничего нового. Во-вторых, в первой главе Вы заняты описанием наружностей—опять-таки по старинке, описанием, без которого можно обойтись...» и т. п.

Обычный прием Чехова — вполне искренний обезоруживающий комплимент, самая лестная общая оценка, и следом — каскад точных критических замечаний, ставящих все на свои места.

«Несправедливости надо бояться,— написал однажды Чехов О. Л. Книппер по поводу одного домашнего недоразумения.— Надо быть чистой в смысле справедливости, совершенно чистой...» Чехов верил: чтобы научить человека чему-либо, не надо его поучать, понукать и оскорблять. Мало ли какие обстоятельства могли повести к тому или иному дурному поступку, промаху или неудаче? Надежнее предполагать исходной добрую волю в людях, а разбудить ее энергию легче, обратив упрек не столько к личности, сколько к поступку, обстоятельству или черте характера. И самым надежным лекарством против заносчивости, глупости, грубости Чехов считал юмор. Юмор для него — наиболее изящная форма выражения чувства справедливости.

Такова лишь одна из черт этой замечательной переписки, в основе которой неизбывная вера Чехова — в человека.

В ДАР МУЗЕЮ

Найден неизвестный автограф

На обороте пожелтевшей за столетие фотографии, запечатлевшей молодого еще Антона Павловича, чернильные строчки: «В силу данного обещания и в знак глубокого уважения Полине Ивановне Агали с семейством посылает, поздравляющий с Новым годом

Покорнейший, но неповоротливейший слуга

Антон Чехов».

Мы готовили новую экспозицию и, как всегда, считали обязательным или побывать в ближайших музеях, или хотя бы запросить, нет ли чего нового. И когда краевед Иван Алексеевич Татарчук сообщил, что народный музей города Харцызска располагает некоторыми таганрогскими документами, было решено ехать. Неужели та самая ветвь от корня греческого купца Ивана Агали, некогда осевшего в Таганроге? Пять лет искать хоть какой-то след, перелистать все архивы, наизусть знать надгробные памятники и так случайно найти — возможно ли такое везение?

Семья Агали больше тридцати лет жила в соседстве с Чеховым. Их связывала настоящая дружба. Сначала отцов и матерей, потом и выросших вместе детей. Когда Чеховы переехали в Москву и оставшийся один гимназист Антон был вынужден подрабатывать репетиторством, именно Полина Ивановна Агали приняла на себя материнские заботы о нем, и юноша был частым гостем в этом доме.

Так неужели эта историческая ниточка не оборвалась, а тянется в Харцызск? Набираем номер. Откликается женский голос. «Да, Агали — это моя девичья фамилия, а так-то я Момотова. Из тех самых Агали...» Оказалось, что Лидия Дмитриевна была не только представительницей этого рода, но и унаследовала многие семейные реликвии. Среди них мы и нашли драгоценную фотографию, о которой рассказали вначале. Сам портрет двадцатилетнего Чехова был известен. Однако знакомая скоропись автографа не значится даже в академическом издании сочинений и писем.

Е. ИВАШЕНЕНКОВА,
заместитель директора по научной работе Литературного музея А. П. Чехова.
Ростов-на-Дону.